

A promotional image for the Russian TV series 'Dara Veyn'. It features two men standing on a snowy city street at night. The man on the left is older, with a grey beard and hair, wearing a dark, heavy coat. The man on the right is younger, clean-shaven, wearing a suit and tie under a similar heavy coat. The background shows blurred city lights and buildings, creating a moody, noir-like atmosphere.

Дара Вейн

Тень Невского

Дара Вейн Тень Невского

<https://litres.ru/74483909>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург, зима. Криминальный авторитет Виктор Замятин — смотрящий по городу — узнаёт, что наркоторговец Тимур-Врач продаёт смерть школьникам. Его правая рука, тихий и расчётливый Артём Воронцов, понимает: беспредел пора кончать. Но чтобы остановить Врача, Ворон идёт на невозможное — контакт с генералом Управления собственной безопасности Андреем Кожиным.

Сделка без гарантий: бандит сдаёт ментов, мент закрывает глаза на бандита. Пока Гасанов и Козлов получают сроки, из Москвы приходит Арсен-Бакинец — человек, который не прощает и не торгуется. А следом — безымянный киллер со стёртым лицом.

Воронцова крутит между двумя мирами: кодом улиц и буквой закона. Замятин угасает — сердце не держит. Кожин использует Воронцова, как наживку. А где-то в Твери ждёт дочь, которой скоро восемь.

Жёсткий криминальный роман о Питере, который не сдаётся. О людях, которые — нет. И о цене, которую платят, когда выбирают — не сторону, а совесть.

Дара Вейн

Тень Невского

Глава 1. Разборка на Лиговском

Декабрьский Питер дышал сыростью и безысходностью. Серое небо давило на крыши так, что казалось — ещё немного, и дома просядут в мокрый асфальт, как старик в продавленное кресло.

Артём Воронцов по кличке Ворон сидел в чёрной «пятёрке» BMW у гостиницы «Советская» и ждал. Он ждал уже сорок минут. Это раздражало больше, чем ноябрьский ветер, который залетал в приоткрытое окно и студил левую щёку.

Ворон — тридцать шесть лет, сухой, жилистый, с тёмными глазами, которые не мигали, когда он говорил, — был человеком осторожным. В девяностых он начинал с обычного рэкета на Сенном рынке, потом попал под опеку Виктора Палыча Замятина — тогда ещё просто Вити-Сапёра, потому что начинал со взлома сейфов. К две тысячи десятому Виктор Палыч стал человеком легендарным: сидел два раза, оба — за чужие дела, и оба раза выходил раньше срока. По зонам он держал слово, а в городе держал половину Центрального и Адмиралтейского районов.

Ворон был его правой рукой. Точнее — левой, потому что правой у Замятина был Серёга Кастет, а левая рука всегда ближе к сердцу.

Телефон завибрировал на приборной панели.

— Подъезжай, — сказал Кастет. — Третий этаж, номер триста двенадцать. И... Ворона, без глупостей. Палыч просил.

Ворон завёл мотор и через десять минут входил в обшарпанный коридор третьего этажа. Обои висели лоскутами, как кожа с обгоревшего тела. Пахло хлоркой и старым табаком.

Дверь в триста двенадцатый была приоткрыта. Внутри сидели трое.

Виктор Палыч Замятин — в белой рубашке с расстёгнутым воротом, седой, плотный, с лицом бульдога, которому надоели все на свете. Рядом — Кастет, здоровый, как шкаф, с маленькими бегающими глазами. Напротив, на продавленном диване, — незнакомый. Молодой, лет двадцати пяти, в чёрной куртке, с тонким нервным лицом и порезом через бровь.

— Садись, — кивнул Замятин. — Это Азат. Азат — это Ворон. Теперь вы знаете друг друга.

Ворон сел на единственный стул, который не был сломан.

— Значит, так, — начал Замятин, разминая папиросу. — Вопрос по движению. Азат представляет людей. Люди хотят работать в Питере. Я слушаю.

Азат говорил быстро и по делу. Товар приходит через Выборг, хранится на две точки — одна в Купчино, другая в Шушарах. Сбыт — через сеть курьеров, не больше двадцати человек, все — студенты, никто не судим. Доля города — трид-

цать процентов. Начинать в январе, после праздников, чтобы не светиться.

Ворон молчал и смотрел на руки Азата. Руки были нервные, пальцы постукивали по колену в ритме, который не совпадал с речью. Человек врёт или боится. Или и то, и другое.

— Что скажешь, Ворон? — спросил Замятин.

— Скажу, что тридцать процентов — это мало. И скажу, что через Выборг — это через границу, а через границу — это лишний риск и лишние люди.

Азат поднял бровь.

— Риск — наш. Люди — наши. Вам остаётся только крыша и контроль.

— Крыша — это не контроль — сказал Ворон. — Крыша — это когда менты в курсе и молчат. А менты молчат, пока тихо. Ваша схема — не тихо. Двадцать курьеров — это двадцать связей. Одна связь загорится — сгорит всё.

Замятин затаился, посмотрел на потолок.

— Ворон дело говорит, — сказал он медленно. — Но и Азат дело говорит. Вопрос в другом. Вопрос в том, кто уже работает на этой земле без нашего слова.

Ворон понял. Замятин знал. Кто-то уже двигал товар через Питер, не спросив. И эта встреча — не про деловое предложение. Эта встреча — про проверку. Либо Азат — часть проблемы, либо — часть решения.

— Кто работает, Палыч? — спросил Ворон.

— Тимур Гасанов, — сказал Замятин. — Кличка Ти-

мур-Врач. Бывший фельдшер, теперь — торговец. Два года как развернулся в Приморском и Петроградском районе. С ним — Захар Козлов, Захар-Косой, из бригады Литвиненко. Литвиненко сел в двадцать втором, а Косой остался и вместо того, чтобы держать зону, решил держать город.

Ворон вспомнил Захара. Лет тридцать, рыжий, с косоглазием, которое давало ему кличку и сбивало людей с толку — никогда не было понятно, куда он смотрит. Наглый, жадный, быстрый.

— И что, Палыч?

— А то, что Врач не просто торгует. Он пихает школьникам. Ворон, понимаешь? Школьникам. Тринадцать-четырнадцать лет. Это уже не бизнес. Это — статья. И не одна статья. Это такой беспредел, который и нас всех утянет.

Замятин погасил папиросу о стол.

— Я не против, когда взрослый дурак сам себя убивает. Но когда ребёнок — это... — Он не закончил. Бульдожье лицо стало тяжёлым. — Это не по понятиям. И это надо кончить.

Глава 2. Генерал на Литейном

В это же утро, на Литейном проспекте, в здании, которое не имело вывески, но имело три кольца охраны и систему связи, которая не пёрла ни в один город, генерал-майор ФСБ Андрей Степанович Кожин сидел в кабинете и читал рапорт.

Рапорт был длинный, скучный по форме и страшный по содержанию. Начальник Управления собственной безопас-

ности Главного управления МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области — то есть сам Кожин — получал его каждые две недели. Сводка по наркотрафику.

Цифры были мерзкие. За последний год количество изъятий выросло на сорок процентов. Количество уголовных дел — на тридцать. Количество задержанных — на двадцать. А вот количество раскрытых дел с доставкой организаторов — на минус пятнадцать. То есть система работала наоборот: изымала больше, а ловила меньше. Это означало одно — система была куплена.

Кожин знал, кто купил. Он не мог доказать, но он знал. Захар Козлов и Тимур Гасанов. Два имени, которые всплывали в каждом третьем оперативном донесении и исчезали на стадии следствия. Показания свидетелей менялись. Доказательства терялись. Курьеры молчали и выходили под залог.

Андрей Степанович Кожин — пятьдесят два года, седой, худой, с лицом, на котором морщины лежали ровно, как линии на топографической карте, — был человеком системы. Тридцать лет в органах. Из них — двенадцать в УСБ, то есть в службе, которая ловит не бандитов, а ментов. Это была работа грязная, неблагодарная и необходимая. Кожин знал о коррупции в МВД больше, чем любой прокурор, и меньше, чем любой адвокат.

В кабинет без стука вошёл полковник Дроздов — заместитель, единственный человек, которому Кожин доверял без оговорок. Дроздов был маленький, круглый, с живыми

глазами и манерами школьного учителя.

— Андрей Степанович, есть кое-что. По Гасанову.

— Говори.

— Наш человек в Купчино передал: на завтра назначена встреча. Замятин, Кастет, кто-то ещё. Место — «Советская», третий этаж.

Кожин отложил рапорт.

— Замятин? Он же вроде отошёл от дел.

— Вот именно. Если он снова активизируется — значит, что-то поменялось. И, Андрей Степанович, есть ещё кое-что. Гасанов последние две недели ездил в Выборг. Три раза. Наши финны подтверждают — канал ожил.

— Финны — это хорошо. Финны — это наши люди или их?

— Пока неясно.

Кожин помолчал, глядя в окно на серое декабрьское небо.

— Вот что, Лёша. Нам нужна не операция. Нам нужна война. Маленькая, тихая и окончательная. Гасанов и Козлов должны сесть. Не на три года — на пятнадцать. Для этого нужно, чтобы их сдали свои. А свои не сдадут, пока не увидят, что их сдаёт кто-то сверху.

— Сверху — это кто?

— Сверху — это Замятин. Если он решит, что Врач мешает ему жить, он сам нас вести не будет, но и мешать не станет. А если мы правильно развернём — он ещё и поможет, не зная, что помогает.

Дроздов кивнул.

— Рискованно.

— Жизнь вообще рискованное предприятие, Лёша. Давай-ка лучше вот что: дай мне досье на Воронцова. Артём Воронцов, кличка Ворон. Близкий к Замятину.

— Ворон? Он вроде тихий.

— Вот именно. Тихий. А тихие люди — они либо думают, либо боятся. И то, и другое нам подходит.

Глава 3. Тёмный переулочек

Вечером Ворон поехал домой. Дом — это одноэтажка на Васильевском, третий этаж, окна во двор. Он жил один. После развода — три года назад — Лена уехала к матери в Тверь, забрав дочь. Дочь, Аню, он видел раз в два месяца — приезжал, дарил игрушки, которые она не хотела, и говорил слова, которые не находил. Каждый визит заканчивался одинаково: Аня засыпала, Ворон стоял на балконе тверской хрущёвки и курил, глядя на тёмные ели за гаражами.

Дома он разогрел пельмени, включил телевизор без звука и сел на кухне думать.

Тимур-Врач. Он слышал это имя и раньше. Слышал — но не касался. Чужой район, чужие люди, чужой бизнес. Так было заведено: каждый держал свой кусок, и чужой кусок не трогали, пока кусок не начинал гнить. А Врач, выходит, сгнил.

Ворон не был сентиментальным. Он видел достаточно грязи, чтобы не иллюзий. Наркотики были частью жизни го-

рода, как сырость и пробки. Замятин не запрещал — он регламентировал. Но между «регламентировать» и «торговать школьникам» — пропасть, и Ворон это понимал.

Он достал телефон и набрал номер.

— Саня, — сказал он. — Мне нужно увидеть Косого. Просто увидеть. Без разговоров, без базара. Просто посмотреть.

Саня — Саша Титов, мелкий барыга с Петроградки, который знал всех и не боялся никого — ответил после паузы.

— Зачем тебе Косой, Ворон?

— Затем, что мне надо понять, кто рядом с ним. Кто крышует. Кто возит. Без имён — просто картинка.

— Это может стоить.

— Знаю. Сколько?

— Не денег. Потом решим.

Ворон положил трубку. «Потом решим» — это Санькин стиль. Он никогда не называл цену заранее. Это значило, что цена будет не в деньгах. А когда цена не в деньгах, платить приходится либо услугой, либо молчанием. И то, и другое опасно.

Ворон выключил телевизор и подошёл к окну. Во дворе тускло горел фонарь. Под ним, на скамейке, сидел кто-то в капюшоне. Сидел неподвижно, не двигаясь, как будто забыл зачем пришёл. Ворон посмотрел минуту. Фигура не двинулась.

Он закрыл шторы.

Глава 4. Два мира

Генерал Кожин тоже не спал. Он сидел в своём кабинете — единственном месте, где чувствовал себя спокойно, — и собирал картину.

Перед ним лежали три фотографии.

Первая — Тимур Гасанов. Сорок один год, армянские корни, родился в Баку, переехал в Питер в девяносто восьмом. Образование — фельдшерское училище. Работал в скорой, потом уволился. Не судим. Владел двумя квартирами — на Петроградке и в Приморском. Официальный доход — сдача квартир. Реальный — никто не знал объём, но оперативные данные говорили: не меньше ста килограммов в месяц. Сто килограммов — это тысячи доз. Это тысячи людей. Это десятки мёртвых.

Вторая — Захар Козлов. Двадцать девять лет, из Питера. Судим один раз — двести двадцать первая статья, но вышел по примирению. Работал в бригаде Литвиненко до его ареста. После — поднялся сам. Буйный, жестокий, но не глупый. Именно Козлов, по данным оперативников, держал связь с коррумпированными сотрудниками Приморского РУВД. Два опера, один следователь и, возможно, кто-то из начальства.

Третья — Артём Воронцов. Тридцать шесть лет. Судим в молодости — сто шестьдесят вторая статья, условно. С тех пор — чисто. Близкий к Замятину. Роль — неясна. По одним данным — решала, по другим — тень. Образование — незаконченное высшее, юридический. Жена ушла. Дочь —

далеко.

Кожин подумал: вот этот, третий, — интересный. Если Замятин — ствол, а Кастет — гиря, то Ворон — это, возможно, голова. Или, по крайней мере, глаз. Тот, кто видит и оценивает. Тот, кого Замятин слушает.

— Лёша, — сказал Кожин, когда Дроздов зашёл с чаем. — Вот что я думаю. Мы не можем просто взять Гасанова и Козлова. Возьмём — выйдут через месяц. Свидетели отвалятся, опера «потеряют» протоколы, следовательно найдёт основания для смягчения. Нам нужно другое. Нам нужно, чтобы их сдала среда. Чтобы менты, которые их крышуют, увидели, что Гасанов и Козлов — это не защита, а угроза. Чтобы они сами от них отвернулись.

— Как?

— Через Замятина. Если Замятин решит, что Врач — проблема, он либо уберёт его сам, либо даст убрать. А мы подберём то, что останется.

Дроздов посмотрел на генерала с выражением, которое он всегда носил, когда разговор шёл о методах, балансирующих на грани.

— Андрей Степанович, это же...

— Я знаю, что это. Но я не предлагаю убивать. Я предлагаю создать условия, при которых преступная среда сама отторгнет элемент, который ей вредит. А мы зафиксируем результат.

— И как создать эти условия?

— Нужно подсунуть Воронцову информацию. Так, чтобы он сам нашёл её. Так, чтобы он думал, что сам догадался. Люди верят тому, до чего доходят сами.

Кожин открыл сейф и достал тонкую папку.

— Вот. Это сводка по детским передозировкам за последний квартал. Четырнадцать случаев. Трое — летальные. Возраст — от одиннадцати до пятнадцати. Все — Приморский и Петроградский район. Все — употребляли то, что привозит Гасанов. Если Воронцов увидит это...

— Он может не увидеть. Или увидеть — и промолчать.

— Может. Но Замятин — старой закалки. Для него «дети» — это табу. Не по морали — по коду. Тот, кто трогает детей, — падший. А падших в их мире не терпят. Это не наша мораль, Лёша. Это их в данном случае, работает на нас.

Дроздов кивнул, хотя в глазах была тень. Тень — от понимания, что граница между «использовать» и «стать таким же» — тонкая, как лёд на Неве в начале зимы. Тонкая и коварная.

лава 5. Бокал и пуля

Через два дня Ворон встретился с Саней в кафе на Рубинштейна. Кафе называлось «Бокал» и было местом, где по вечерам пели джаз, а днём пили кофе люди, которые не хотели, чтобы их видели. Полутёмный зал, занавески на окнах, официант, который не смотрел в глаза.

Саня пришёл вовремя — пунктуальность была одной из его немногих добродетелей. Маленький, лысый, с быстрыми

руками, он сел, заказал эспрессо и начал говорить.

— Косой бывает в трёх местах. Бар на Большом, гараж в Приморском и дача во Всеволожске. В баре — каждый вечер, после девяти. В гараже — по средам. На даче — когда тепло. Сейчас не тепло, так что бар и гараж.

— Кто с ним?

— Два человека. Лёха Дрозд — водитель и охрана. И Гриша Молчан — бухгалтер. Молчан — это важно. Он считает деньги. Все деньги. Если нужно понять, кто что получает — это к Молчану.

— А крыша?

Саня понизил голос, хотя в кафе, кроме них, был только официант.

— Я точно знаю одного. Капитан из Приморского — Гордеев, Алексей Петрович. Он замначальника уголовного розыска. Косой платит ему ежемесячно. Сумму не знаю, но Молчан говорил — больше, чем Гордеев зарабатывает.

Ворон запомнил имя.

— А Врач? Гасанов?

— Врач не показывается. Он — на подполье. Косой — лицо, Врач — тень. Косой решает на земле, Врач — наверху.

— Какой наверх?

Саня отвёл взгляд.

— Не знаю, Ворон. Честно. Но есть слухи, что Врач связан с людьми из Москвы. Не с ворами — с другими. С людьми, у которых погоны.

Ворон почувствовал холод. Не от сквозняка — от понимания. Если Гасанов крышует не только местными ментами, но и кем-то из Москвы, то это уже не районная история. Это — система.

— Спасибо, Саня.

— Ворон. Помни — потом решим.

— Помню.

Ворон вышел на Рубинштейна. Питер в декабре темнел рано — в три часа уже горели фонари, а в четыре начиналась ночь. Он шёл пешком, не торопясь, по переулкам, которые знал с детства. Каждый дом — история. Каждый двор — чьё-то детство, чья-то первая драка, чья-то первая любовь. Ворон любил этот город так, как любят человека, который тебя обижает, — безусловно и с болью.

Телефон завибрировал. Незнакомый номер.

— Алло.

— Артём Викторович? — Голос спокойный, вежливый, с лёгкой военной выправкой. — Мне нужно с вами встретиться. Разговор — о вашем городе. И о людях, которые его отравляют.

— Кто вы?

— Человек, который хочет того же, что и вы. Чтобы бес-предел закончился.

Ворон остановился. Вокруг — серые дома, мокрые деревья, редкие прохожие. Он огляделся, машинально, по привычке.

— Откуда мой номер?

— Это неважно. Важно — что я могу дать вам. Если согласитесь встретиться — приходите завтра в полдень на Сенную площадь. К фонтану. Один.

Ворон положил трубку. Он знал, что это может быть ловушка. Знал, что идти на встречу, предложенную незнакомым голосом, — глупость. Знал, что должен позвонить Замятину.

Но не позвонил.

Потому что голос сказал: «о вашем городе». И Ворон, который был бандитом, вором и многим ещё, чувствовал — как ни странно — что Питер был его. Не по праву силы. По праву боли.

Глава 6. Фонтан

Сенная площадь в полдень была тем же, чем была всегда — грязной, суетливой, живой. Рыночные торговцы кричали, бомжи спали на скамейках, голуби нагтели, как местные авторитеты.

Ворон подошёл к фонтану — сухому, мёртвому, с ржавыми трубами внутри — и стал ждать.

Через три минуты к нему подошёл человек. Не Дроздов — Ворон не знал его. Высокий, в чёрном пальто, с лицом, которое забывалось, едва отводил взгляд. Лицо-наждак: стёртое, серое, без особых примет.

— Артём Викторович. Пойдём.

Они пошли к Кузнечному переулку, свернули в арку, про-

шли дворами — Ворон заметил, что человек знал маршрут, а значит, готовился. За аркой стоял чёрный «уазик» с тонировкой. Внутри — два молчаливых человека в штатском.

— Не бойтесь, — сказал Серое Лицо. — Мы не записываем, не фиксируем, не задерживаем. Это — разговор. Просто разговор.

— Кто вы? — снова спросил Ворон.

— Меня зовут Алексей Алексеевич. Я — от генерала Кожина. Управление собственной безопасности. Мы — та часть МВД, которая ловит не бандитов, а ментов, которые работают с бандитами. И сейчас нам нужна помощь.

Ворон усмехнулся.

— Помощь бандита, чтобы поймать ментов. Это ново.

— Это — жизнь. И жизнь, Артём Викторович, устроена сложнее, чем в кино. Генерал Кожин знает о вас. Знает, что вы — не Гасанов. Знает, что Замятин — не Козлов. И знает, что вы оба — хотите, чтобы Врач и Косой закончились.

— Замятин не работает с ментами.

— Замятин не работает с ментами. Но вы — не Замятин. И сейчас я говорю с вами, а не с ним.

Ворон почувствовал, как в груди сжалось. Этот человек знал расклад. Знал, что Ворон — не Замятин. Что у Воронцова есть своя воля, своя боль и, может быть, своя совесть, зарытая глубоко, но не мёртвая.

— Что вы хотите?

— Две вещи. Первое: имя мента, который крышует Косо-

го в Приморском. Вы, возможно, знаете. Второе: разрешение. Не разрешение — разрешение. Просто... тишина. Если мы начнём работать по Гасанову и Козлову, Замятин не должен мешать. Не должен предупреждать. Не должен вмешиваться.

— А взамен?

— Взамен — чистка. После того, как Врач и Косой сядут, на их место не придёт кто-то хуже. Мы знаем, что Замятин держит район, но Замятин — по коду. А код, при всей его дикости, — это ограничение. Код — это граница. Гасанов — без границ. И это всех убивает.

Ворон молчал долго. За окном «уазика» мелькали стены двора — серые, с подтёками, с детскими рисунками мелом, которые дождь стёр до призраков.

— Я подумаю, — сказал он.

— Подумайте. Но — быстро. У нас нет месяца. У нас, Артём Викторович, вообще нет времени.

Глава 7. Разлом

Вернувшись домой, Ворон сделал то, чего не делал уже давно. Он сел и написал. Не рапорт, не сводку — письмо. На бумаге, от руки, как в детстве, когда он учился в школе на Васильевском и писал сочинения, которые учительница называла «тёмными, но живыми».

Он написал всё, что знал. Тимур-Врач. Захар-Косой. Капитан Гордеев. Канал через Выборг. Двадцать курьеров. Четырнадцать детей. Трое мёртвых.

Потом позвонил Замятину.

— Палыч, надо говорить. Лично. Завтра.

— Что-то случилось?

— Случится. Если не остановим.

ни встретились на квартире на Мойке — безопасная, чистая, без жучков. Замятин пришёл с Кастетом, но Кастета оставил в коридоре.

Ворон рассказал всё. От встречи с Азатом — с которым, как выяснилось, Замятин был знаком давно и который был не конкурент, а осведомитель — до Сани Титова и до Серого Лица с Сенной.

Замятин слушал, не перебивая. Лицо бульдога окаменело.

— Менты, — сказал он, когда Ворон замолчал. — Менты хотят, чтобы я молчал, пока они берут Врача.

— Не молчал. Не мешал.

— Это одно и то же, Ворон. Молчать — значит позволить. А позволить — значит разрешить. А разрешить ментам лезть в наши дела — это... — Он не нашёл слова. Для Замятина это было странно. Он всегда находил слова.

— Палыч, — сказал Ворон. — Врач трогает детей. Ты сам сказал — не по понятиям. Если Кожин его возьмёт, это не «в наши дела». Это — в их дела. Врач — не наш. Косой — не наш. Гордеев — не наш. Это — чужие, Палыч. Чужие, которые сели на наш город и жрут его.

Замятин встал, подошёл к окну. За окном — Мойка, мост, дома, Питер, город, который он знал лучше, чем свою био-

графию.

— Ворон, — сказал он тихо. — Если я соглашусь, и менты возьмут Врача, — это начало. Начало конца. Потому что потом они возьмут кого-то ещё. А потом — нас. Ты понимаешь?

— Понимаю. Но если не возьмут — Врач разрастётся. И через год он будет не в Приморском, а везде. И тогда — всё равно конец, только хуже.

Замятин повернулся. Бульдозьи глаза были мокрые. Не от слёз — от ветра, который дул из щели в окне. Или от чего-то ещё.

— Делай, — сказал он. — Но, Ворон... Если менты обманут — ты ответишь. Не перед ними. Передо мной. И перед городом.

Ворон кивнул. Он знал, что значит «ответишь». Знал, что Замятин не угрожает — он ставит условия. Так, как ставил их тридцать лет.

— Я сделаю.

Глава 8. Капкан

Дни полетели — быстро, как вечёрка по Неве в половодье.

Ворон передал Серому Лицу то, что знал. Гордеев — имя, звание, район. Гараж в Приморском — адрес, день, время. Молчан — бухгалтер, ключ к деньгам. Канал через Выборг — намёк, не подтверждение, но достаточный, чтобы Кожин начал проверку.

Кожин работал тихо. Его люди — не оперативники, а ана-

литики — собирали пазл по крупицам. Финансовые потоки Молчана, передвижения Гасанова, встречи Косого с Гордеевым. Каждая деталь — как отпечаток пальца на стекле: невидимая, пока не подышать.

Через неделю Кожин имел достаточно для ордеров. Но ордера — это половина. Вторая половина — неожиданность. Если Гордеев узнает — предупредит. Если предупредит — Гасанов уйдёт, а доказательства исчезнут.

Поэтому Кожин сделал хитрее. Он запустил дезинформацию. Через канал, который знал только Гордеев, пошёл слух: операция по наркотрафику запланирована на конец января, район — Купчино. Гордеев, получив слух, расслабился. Купчино — не Приморский. Можно не дёргаться.

А в Приморском, тем временем, три группы наружного наблюдения работали посменно. Каждое движение Косого — на запись. Каждая встреча — на фото. Каждый звонок — на прослушку, оформленную через суд, тихо, без огласки.

И Ворон делал своё. Он встретился с Молчаном — не напрямую, через Сано — и, не задав ни одного вопроса, просто рассказал историю. Историю о том, как один человек, который жил в девяностых, однажды сдал своего и потом не смог жить. Молчан слушал, и в его быстрых глазах что-то менялось.

Ворон не вербовал. Он не умел вербовать. Он делал другое — он показывал. Показывал, что есть мир, в котором люди держат слово, и есть мир, в котором люди держат деньги.

И что второй мир всегда кончается одинаково — дверью камеры или дверью гроба.

Глава 9. Зачистка

Третьего января, когда город ещё спал после праздников, Кожин дал команду.

В шесть утра одновременно — в течение одной минуты — были задержаны Тимур Гасанов (на квартире жены в Приморском), Захар Козлов (в баре на Большом, где он ночевал после гулянки), Григорий Молчан (дома, в Купчино), и капитан Гордеев (на работе, в кабинете, где он как раз подписывал план оперативных мероприятий, который сам же и саботировал).

Гасанов сопротивлялся — не физически, а словесно. Кричал про связи, про Москву, про людей в погонах, которые «не дадут». Кожин, который присутствовал при задержании, молчал. Молчал и смотрел. Потом, когда Гасанов выдохся, сказал одно:

— Те, на кого вы надеетесь, Тимур Аркадьевич, уже в курсе. И они выбрали — не вас.

Гасанов побледнел. Он понял. Москва — не приедет.

Ковой молчал. Он был из тех, кто не кричит — он кусается. При задержании ударил опера по лицу. Получил добавку к статье. Буйный — до конца.

Молчан дал показания. Не сразу — через два дня, после разговора с адвокатом, который, как потом выяснилось, был рекомендован Кожиним. Адвокат объяснил: если Молчан

сотрудничает, он получает меньше. Если нет — всё. Молчан выбрал жить.

Он сдал всё. Схему движения, точки хранения, имена курьеров, суммы, каналы. Он сдал Гордеева. Сдал ещё двух оперов, о которых Кожин не знал. Сдал — и заплакал, когда подписывал протокол.

Гордеев молчал двое суток. На третьи — заговорил. Не от страха — от злости. На Гасанова. Потому что понял: Гасанов использовал его, как использовал всех. И мент, который годами брал деньги, вдруг почувствовал себя — обманутым. Это было смешно и страшно одновременно.

Глава 10. После

В феврале Питер немного посветлел. Не небо — небо оставалось серым до мая. Посветлели улицы. В тех районах, где раньше работали курьеры Гасанова, стало тише. Не совсем тихо — совсем тихо в этом городе не бывало никогда. Но — тише.

Ворон стоял на набережной Фонтанки, смотрел на воду и курил. Телефон молчал. Замятин не звонил. Кожин — тоже. Каждый держал своё: Замятин — слово, Кожин — расстояние.

Ворон не знал, что будет дальше. Не знал, наступит ли день, когда Кожин придёт уже за ним. Не знал, остановит ли Замятина кто-то другой — другой мент, другой город, другая жизнь. Не знал, увидит ли он дочь весной.

Но знал одно: в этом городе, мокром, сером, жестоком,

который он любил с болью, — в этом городе стало на одного монстра меньше. И это — не всё. Но это — начало.

Где-то на Литейном генерал Кожин закрывал папку. На обложке — два имени. Внутри — годы работы, десятки людей, сотни ночей. Он снял очки, потёр переносицу и подумал: может быть, из этого что-то выйдет. Может быть, нет. Но сегодня — одно дело закрыто. И город, который он тоже любил — по-своему, по-ментовски, — дышал чуть свободнее.

А Питер — жил. Как жил всегда — несмотря ни на что.

Глава 11. Нокаут

Февраль ударил морозом — внезапным, злым, каким бьют только в Питере: будто город вспомнил, что он северный, и решил доказать это всем, кто расслабился. Нева замёрзла за три дня. Трамваи встали. Дворники не вышли. Льдом покрылось всё — от козырьков подъездов до нервов.

Ворон сидел в гараже на Лесном — бетонная коробочка, гараж №44, который числился за другом Замятина, а реально принадлежал тому, кто мог в нём спрятаться. Сейчас прятался Ворон. Не от ментов — от тишины. После января, после Гасанова и Косого, после всего — наступила тишина, и она давила сильнее, чем любой шум.

Телефон зазвонил. Кастет.

— Ворон, ты где? Палыч зовёт. Срочно.

— Куда?

— Туда же. На Мойку.

— Через сколько?

— Через час. Ворон... Он не один.

— Кто с ним?

— Не знаю. Но машина московская. Номера — серия.

Ворон положил трубку. «Московская машина. Серия.»

Он не знал, что это значит, но знал, что ничего хорошего.

На Мойке, в квартире, где они договаривали в декабре, пахло табаком и напряжением. Замятин сидел в кресле — не развалился, а вжался, как будто кто-то давил ему на плечи. Кастет стоял у двери. У окна, спиной к свету, стоял незнакомец.

Молодой — лет тридцати. Худой, в сером костюме, с лицом, которое могло принадлежать банкиру, юристу или убийце. В Питере такие лица не редкость — часто всё три одновременно.

— Знакомься, — сказал Замятин. — Это Кирилл. Кирилл — от Арсена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.